

> МАГИСТРАЛЪ >

МИРЬЯНА НОВАКОВИЧ

Страх и его слуга

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44
Н72

Мирјана Новаковић
СТРАХ И ЊЕГОВ СЛУГА

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Copyright © *Mirjana Novaković, 2000 + Published by agreement
with Laguna, Serbia*

Новакович, Мирьяна.

Н72 Страх и его слуга / Мирьяна Новакович ; [перевод с сербского Л. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-204050-4

Мирьяна Новакович за свой роман «Страх и его слуга» была номинирована на премию журнала НИИ, которую ранее уже получили Милорад Павич и Горан Петрович. «Страх и его слуга» стал самым продаваемым сербским романом начала XXI века.

Дьявол отправляется в Белград охотиться на вампиров. Вот только он их смертельно боится, поэтому предпочитает скрываться за спинами местной аристократии и своего слуги. Чтобы скрасить пребывание в городе, харизматичный дьявол пытается соблазнить замужнюю герцогиню. Однако та влюблена в другого. Впрочем, дьяволу не сильно нужна герцогиня. Он все чаще вспоминает изгнание из рая, вечера с Марией Магдалиной, встречи с Иисусом и пророчество о Втором пришествии...

Пока читатель занят детективной, любовной и исторической составляющей романа, автор начинает с ним игру. Герцогиня и дьявол — ненадежные рассказчики. Вам предстоит выбрать, в какой вариант концовки поверить.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44

ISBN 978-5-04-204050-4

© Савельева Л. А., перевод на русский, 2026
© Издание на русском языке. Оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

...смешивая историческое и мистическое, реальное и фантастическое, писательница создала настоящий интеллектуальный шедевр, далеко раздвигающий границы жанров...

Джордже Баич, писатель

...книга о прелестях и ужасах неприкрытой правды, о схватке Света и Тьмы и о страшном мире, которому так нужен Дьявол, об охоте на вампиров, о шествиях по туннелю Римского водопровода, роман, богатый духом Истории, полный странных намеков и проклятых вопросов.

*Дэмиан Келлерер,
«The Quarterly Conversation»*

*Моим родителям,
Милице и Любише*

«Роман не терпит истории».
Лиляна Пешикан Люштанович

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОД МАСКАМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ В ТУМАНЕ

— Хозяин, прошу вас выйти,— такими словами мой слуга заставил меня очнуться от легкого сна, в который я погрузился сразу после Петроварадина.

— Колесо треснуло. Нужно поменять, пока совсем не сломалось.

Зевнув, я потянулся и выбрался из коляски. Шестерка запряженных цугом белых лошадей стояла смиренно, кучер и слуга возились с запасным колесом. Было холодное утро, похоже, мне так никогда и не понять, почему я вечно даю уговорить себя отправиться в дорогу на ранней заре, ведь я ненавижу зарю. И первые солнечные лучи, что бы они ни означали.

Я повернулся на месте на триста шестьдесят градусов два раза и установил, что повсюду вокруг на плоской черной земле лежит густой туман. Бескрайняя равнина. Говорят, эта земля плодородна. Для пшеницы.

Кучер подошел ко мне достаточно близко, чтобы я смог почувствовать плохое качество прошлогоднего винограда.

— Сударь, — сказал он, — не могли бы вы присмотреть за лошадьми, пока мы будем менять колесо?

— За всеми сразу? — спросил я.

— Нет, что вы, сударь, нужно просто взять под уздцы коренника.

Разумно сказано. Вчера вечером, когда я его нанял, он показался мне намного глупее. Совершенно очевидно — алкоголь оказывал на него обратное действие, он от него умнел.

— Ты не знаешь меня, — ответил я. — Это правда, я люблю держать под уздцы главаря, но еще больше люблю держать сразу всех.

И стоило мне это проговорить, как издали донеслось ржание лошадей и топот копыт — верные признаки того, что к нам приближается какой-то экипаж. Из-за тумана его не было видно, но он, несомненно, приближался.

Прошло еще некоторое время. Лошади забеспокоились. Слуга вытащил пистолет и зарядил его. Но это было излишним. Среди людей у меня врагов нет. Меня все любят.

И пока я раздумывал о любви, из мглы вынырнула широкая черно-желтая карета. Тоже запряженная шестеркой. Ее кучер остановил лошадей, дверца с императорским гербом открылась, и из императорской глубины выпрыгнул юноша. Одет он был так же хорошо, как и я. Высокий, широкоплечий. Он поклонился и сказал по-немецки:

— Мы видим, что у вас трудности, сударь. Не можем ли мы быть вам полезны?

— Благодарю вас, почтеннейший молодой человек, но я надеюсь, что мой слуга с кучером сумеют сменить колесо и мы вскоре продолжим путешествие.

— А куда вы направляетесь, смею полюбопытствовать?

— В Белград.

— Мы тоже. Однако позвольте представиться: я Клаус Радецки, врач, следователь по особым делам на службе Его императорского величества Карла VI.

— А я граф Отто фон Хаусбург, дальний родственник Его императорского величества. Как странно, что мы с вами здесь встретились. Несколько дней назад в Вене, когда я собирался в дорогу, меня принял Его императорское величество, однако я ничего не слышал ни о каком следователе по особым делам.

Радецки вдруг забеспокоился. Ему было неприятно, и не из-за того, что он пойман на лжи, а из-за того, что пойман на правде.

— Его императорское величество не хотел бы, чтобы стало известно о моем... точнее, о нашем деле,— сбивчиво заговорил он.

— Но ведь вы тут же начали мне рассказывать, не так ли?

— Я... знаете ли... мне трудно объяснить...— Среди мучительного замешательства ему вдруг пришла в голову спасительная мысль: — Я сразу заметил ваше сходство с Его императорским величеством и тут же понял, что вы с ним состоите в родстве.

— Я действительно родственник полубрата Его императорского величества, но этот полубрат — внебрачный ребенок, кроме того, с ним, то есть с полубратом, я в родстве по материнской линии, из чего следует, что в кровном родстве с Его императорским величеством я не состою. Равно как и в молочном. Но это не так уж важно. Важно то, что Его императорское величество меня любит и ценит. Я получил титул и земли не по наследству, а благодаря моим личным заслугам в английских колониях.

Радецки не пикнул, его охватил еще больший стыд. Он только озирался по сторонам, должно быть, в ожидании, что из тумана появится спасение. Но спасение не появлялось. Да и как оно могло появиться? К тому же из тумана.

— Ну, раз уж вы мне столько всего рассказали, то можете открыть и цель ваших дел в Белграде. Все, знаете ли, следует доводить до конца. Тем более рассказ.

На несколько мгновений он задумался, а потом храбро сглотнул слюну. Похоже, ее было много, я имею в виду слюны.

— Граф, — сказал он, — вы и так узнали бы это в Белграде. Я являюсь членом особой комиссии, которую Его императорское величество лично назначил и направил в Белград, чтобы расследовать невероятные и ужасные события, которые имеют место в этой, до недавнего времени турецкой, стране. Со мной еще двое ученых, оба графы.

Наконец-то я схватил удачу за хвост. После всех этих тощих мадьярок в Пеште, умного кучера и сломанного колеса вот наконец-то хороший шанс! Нужно только сблизиться и подружиться с Радецким, и все, что я хочу узнать, будет мне подано на ладони. Итак, новости все-таки дошли и до самого императора. Значит, не напрасно я отправился в дорогу.

Я кивнул молодому человеку, он повернулся и прыгнул в свою карету. Я снова увидел герб, а потом все растворилось в тумане.

Но не успели затихнуть конский топот и скрип колес, как из тумана появился новый персонаж. Этот был один и передвигался на собственных ногах. Следовательно, был бедняком или болваном. Что, впрочем, одно и то же. По мере его приближения становились видны детали. Он был необыкновенно высокого роста, с длинными светлыми волосами и бородой, в лохмотьях. Еще издали он прокричал:

— Нужна ли вам помощь?

И такой вызвался мне помогать! «Похоже, человек с доброй душой», — предположил я. Таких в тумане

полно. Но я их не люблю. Обычно они не моются, считая чистоту тела неважной. Поэтому от них воняет. Своей вонью они вызывают отвращение у других людей, и те стремятся их избегать. А когда не имеешь дела с другими людьми, добрым быть нетрудно.

Но меня удивило не предложение этого несчастного, скорее не залатанного, чем залатанного бродяги. Нет, удивил меня язык, на котором был задан вопрос. Это был русский. Я ответил на нем же:

— Нет!

А он крикнул:

— Брат! — и подбежал ко мне.

Да, от него воняло.

— Я тебе не брат, — сказал я по-русски, вытянув вперед руки и давая ему понять, что он подошел слишком близко. Я знал, русские любят целоваться. Причем троекратно.

— Но вы же русский! — воскликнул он, по-прежнему не скрывая намерения расцеловать меня. — Я Николай Лескович Патков, из Москвы.

— Я — боярин Михаил Федорович Толстоевский, — с особым удовольствием представился я. — А куда вы направляетесь, Николай Лескович?

— В Белград! — отвечал он радостно, непонятно, почему.

— В Белград? Из Москвы в Белград? Неблизкий путь.

— Да, сударь мой, путь далекий. Я вышел еще весной. Но путь должно пройти.

Слуга сообщил мне, что колесо заменили и мы можем двигаться дальше.

— Что ж, Николай Лескович, желаю вам всего самого злого, пардон, доброго, — сказал я и сел в экипаж. Лошади тронулись, а русский продолжал стоять. Этот будет в Белграде не раньше, чем к ужину. Если

не заблудится в тумане. А я... хм, мне бы неплохо добраться до Белграда раньше, чем там окажется комиссия. Я достал из кошелька четыре крейцера, один вернул обратно. И крикнул кучеру:

— Если будем в Белграде раньше той кареты, которая недавно проехала, получишь... — тут я вернул в кошелёк еще один крейцер, — два крейцера.

Послышался щелчок кнута.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ В ТУМАНЕ

Я не был в Белграде годы и годы. И соскучился. Мне было интересно посмотреть, как теперь выглядит этот город, уже двадцать лет живущий под австрийской властью. Последний раз я его видел совершенно восточным, небо тут и там вспарывали минареты, воняло жиром, завывали муэдзины. В Пеште мне рассказывали, что в ходе осады 1717 года Белград был сильно разрушен, но что теперь он укреплен втрое лучше и захватить его еще труднее, чем тогда, когда он был под турками.

Мы уже въехали на Савский мост, но все вокруг оставалось недоступным взгляду. Я высунул голову в окно, насколько смог, но города не увидел. Он весь был погружен в густой туман. Только наверху можно было угадать очертания Калемегданской крепости.

Мы остановились, мой слуга обменялся несколькими фразами с городскими стражниками, и вскоре послышался скрип тяжелых ворот. Императорские и другие государственные печати для меня изготовили лучшие мастера-евреи. Они у меня есть всех видов — германских княжеств, итальянских республик, Австрийской и Русской империй, Французского ко-

ролевства... похоже, как раз эти, французские, мне долго не прослужат.

Я снова был Отто фон Хаусбург, граф.

— Хозяин, — обратился ко мне слуга, — стражники сказали, чтобы мы ехали прямо в резиденцию регента.

Это показалось мне подозрительным, но я только кивнул, и лошади снова тронулись.

Наконец коляска остановилась, подбежали слуги, принялись распрягать. Многообещающая встреча, сказал бы я. Увидев, как мой слуга разговаривает со здешними слугами и как все они крутят головами, я тут же сделал ему знак подойти.

— Что они говорят? — спросил я. Самые важные вещи всегда узнаешь от самых незначительных людей.

— Они говорят, хозяин, что ни в коем случае нельзя выходить из дома после захода солнца.

— Ха, — сказал я, прикидываясь непонимающим, — так же, как и в любом другом городе. Можно подумать, в Пеште или в Вене ночью безопасно ходить по улицам. Повсюду полно воров и разбойников, а здесь еще и целый гарнизон стоит, и если они напьются и разгуляются...

— Нет, хозяин, они говорят не о солдатах и не о разбойниках, не о тех, кто в любом городе вселяет в людей страх и трепет. Солдаты, конечно, солдаты, но они люди, и разбойники тоже люди, это вы и сами знаете, но то, что грозит из темноты здесь, это нечто другое.

— Какое такое другое?

— Не захотели объяснять. Боятся. Регент не любит, когда об этом говорят.

«Естественно, — подумал я, — естественно, не любит, раз это ставит под вопрос его регентство. Но молчание еще никого не спасло, скорее даже наоборот».